

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

За: Ich finde, daß ... Ein Vorteil von diesem Solar-Mobil ist... Mir gefällt... Jeder weiß doch, daß ...

Против: Schlecht finde ich, daß ... Ein Nachteil ist... Da bin skeptisch... Das überzeugt mich nicht.

Итак, подводя итоги вышеизложенному, можно сделать нижеследующие выводы:

1. Дальнейшее развитие человечества теснейшим образом связано с сохранением и улучшением экологической среды. В этом немаловажна роль человека. А его нужно воспитывать и укреплять сознание долга перед человечеством. Подборка же нужного материала на занятиях по иностранному (немецкому) языку играет в этом вопросе немаловажную роль, т.к. несет в себе как познавательную обучающую, так и воспитательную нагрузку.

2. При помощи умело подобранного материала с экологической тематикой можно сосредоточить внимание на том или ином грамматическом аспекте, что имеет немаловажное значение при изучении любого языка.

3. Развиваются навыки аудирования, расширяется и обогащается лексика; приобретаются навыки беседы и высказывания собственного мнения или отношения к предложенной проблеме.

Источники и литература

1. Дежникова Н.С. Экологическое воспитание в контексте социокультурной динамики. – М.: Педагогика, 2002.
2. Зорина Н.В. Deutsch-kommunikativ. – М.: Наука-Уайли, 1994. – 336 с.
3. Корнеева. Работа над темой «Охрана окружающей среды» в X классе. // Иностранные языки в школе. – №3. – М.: Просвещение, 1989. – С. 32–34.
4. Кромер Р. Рейн используют бережно // Экология и жизнь. – М., 2001. – С.47–49.
5. Моисеев Н.Н. Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. – М., 1999.
6. Мойсейчук А.М., Лобач Е.П. Современный немецкий язык. – Минск: Выс. шк., 1997. – 382 с.
7. Пасичник Т. Екологічне виховання на уроках мови / Диво слово. – № 7. – Київ: ТОВ Редакція журналу «Диво слово», 2007. – С. 2–5.
8. Теплов Д.А. Экологическое воспитание старшеклассников в системе дополнительного образования. – М.: Педагогика, 2003. – № 10. – С. 46–50.
9. Хусаинов З.А. Основы формирования экологической культуры учащихся // Инновации в образовании. – М., 2005. – С. 66–72.
10. Hallo, Nachbarn, Band 1 b. Einheiten 11–20. Grundkurs in 20 Einheiten, Goethe Institut. – Keiw, 2000. – С. 168

Мазинов А.С.

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ И ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА

Постановка проблемы. Этнолингвистическое исследование контактных языковых зон – один из современных комплексных способов исследования, позволяющих по-новому взглянуть на изучаемый язык. Этот тип исследования применим и продуктивен в контактных зонах, где в результате встречи, взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения различных суперэтнических образований зарождаются новые этнические, государственные и языковые образования. Актуальность исследования выдвинутой проблемы подобными методами определена необходимостью комплексного изучения лексики общей для разных этнических групп.

Цель данной статьи – описать существующие разноуровневые изоглоссные параллели, приводящие к заимствованию лексики иных языковых групп в связи с межэтническими контактами.

Как было указано в предыдущих наших публикациях, этнолингвистическое исследование лингвистического материала предполагает выявление причин формирования этих отличий в связи с носителем, их связь с развитием субэтнуса и в целом этноса [3,4]. Диалектные отличия служат дополнительным материалом, помогающим выяснить, как развивался тот или иной субэтнос в составе этноса. Существует тесная связь этнолингвистики с историей, прежде всего с историей этноса, а, кроме того, с общечеловеческой и историей суперэтнических образований: рас, групп народов (например, индоевропейских, тюркских, семито-хамитских и др.). Этнолингвиста, прежде всего, заинтересует, какие народы или народности участвовали в формировании описываемого языка или диалекта. Затем будут рассматриваться культурные, конфессиональные и другие факторы, оказавшие дополнительное влияние. Это особенно важно при исследовании языка и происхождения таких исторически полиэтничных народов, как крымскотатарский, в языке которого наряду с несколькими тюркскими диалектами много греческих, итальянских лексем на фоне персидских и арабских религиозно-культурных заимствований. Вероятно, подобные изменения будут, за некоторыми исключениями, происходить и в других языках региона.

Достаточно часто происходит заимствование иноязычной лексики, фонетических, морфологических и синтаксических черт чужого языка на стыке языковых семей и суперэтнических образований, например, славянских и тюркских или финно-угорских и балтийских и других народов и языков, то есть является следствием контактов различных этнических и суперэтнических образований.

Великое переселение народов – процесс, положивший начало более чем тысячелетнему движению двух

встречных этнических потоков (тюркского и индоевропейского), которые в течение этого промежутка времени как два океанских течения направлялись на встречу друг другу, сталкивались, меняли направление, смешивались в Восточной Европе. В полосе соприкосновения европейских и азиатских суперэтнических образований (славянских и тюркских, византийских и тюркских) появляются новые народы и языки. Евразийская линия соприкосновения этносов (и соответствующая ей языковая), которая проходит меридионально от Москвы до Стамбула порождает новые народы, империи и обслуживающие их языки.

Этнический стык славянских и тюркских народов создавал различные полиэтничные образования, которые при участии других этносов существенно повлияли на формирование украинского и русского народов и их языков. Не менее интересны контакты тюркских и средиземноморских народов, сформировавших, при участии целого ряда других этнических (славянских, кавказских и др.) групп, турецкий и крымскотатарский народы и языки.

Формирование народа происходит при доминировании какой-либо этнической группы, которая, приспособившись к географическим, ландшафтным особенностям, задаёт основные, базовые характеристики национального характера. Вместе с тем сохраняются отличительные фенотипические черты, возникшие в результате включения представителей других этнических групп и особенности речи, которые также явились следствием полиэтничного субстрата.

Участие в этногенезе народов родственных этнических групп (например, нескольких тюркских племён в формировании украинского и крымскотатарского народов), территориальная близость, а также долгое соседство приводит к появлению сходных черт в национальной психологии, общих лексических единиц (например, тюркизмов в украинском языке), явлений культурного плана (украинская мелодика некоторых крымскотатарских песен и др.).

Все вышеуказанные характеристики справедливы и симметрично переносятся на языки описываемых народов. При доминировании единой языковой основы (тюркской, славянской и др.) в соседствующих языках данного региона много заимствований и лексики сохраненной при переходе на другой язык. Как отмечает Н.А. Баскаков, «...внешние факторы воздействия сказываются и на развитии языков по внутренним законам, а, следовательно, некоторые внутренние закономерности могут быть соотнесены с историей данного народа» [1, с. 16].

Появление новых народов и их языков в результате контактов соседствующих этнических групп и народов требует определенных промежутков времени и общественных, социальных, политических процессов, приводящих к нивелированию диалектного и культурного разнообразия, консолидации нации. Доминирование одной из этнических групп и, соответственно её языка, в прошлом, обычно способствовало слиянию народов. К консолидации также приводило существование внешней угрозы, например, угроза поглощения соседней империей. Языковая консолидация чаще является следствием длительных культурных и торгово-экономических отношений.

Однако, наряду с процессами консолидации и взаимопроникновения, происходит сохранение этнических черт и особенностей, присущих отдельным сосуществующим этносам. Процессы самосохранения часто доминируют над процессами интеграции. Культурные и языковые отличия сохраняются в составе нового единого народа.

Следует так же учитывать существование параллельного этнического и языкового влияния родственных народов, наряду с межсуперэтническими контактами.

Наличие трех диалектов крымскотатарского языка может послужить иллюстрацией идеи контактных зон и заимствования лексики разных языковых групп. На Крымском полуострове в миниатюре существовали все языковые процессы, которые происходили в больших масштабах при общении индоевропейских, тюркских и хамито-семитских народов в регионе, центром которого, условно, можно принять территорию, расположенную между Ираном, Византийской империей и Аравийским полуостровом.

Как подобную, схожую по характеру с Крымом контактную зону, следует рассматривать тюркскую часть Среднеазиатского региона, где в узбекский и другие языки проникала иранская и арабская заимствованная лексика.

Языковые процессы в указанных регионах тесно связаны с этническими, во многих случаях определяются ими, наряду с другими экстралингвистическими факторами.

Следует выделить два уровня этнолингвистических связей в Крымском регионе: собственно в крымскотатарском (как наиболее полиэтничном) и в родственных урумском, караимском, крымчакском, армяно-кипчакском языках. Последние характеризуются моноэтничностью. Одним из экстралингвистических факторов в данном случае является конфессиональная принадлежность носителей этих языков.

Все вышеперечисленные закономерности справедливы и прослеживаются в крымскотатарском языке, три диалекта которого обслуживали четыре этнические группы: ногайцев, татар, урумов и ромеев. Формирование единого народа привело к появлению единого языкового поля, в пределах которого происходит сближение диалектов и создается литературный крымскотатарский язык. Наряду с консолидацией, начало которой, возможно, следует датировать 13 веком (когда правители горных районов наладили союзнические отношения с крымскими ханами из-за возникшей гунуэзской угрозы), существовала относительная изолированность (до 1944 года) как всех четырёх этнических групп Крыма, населения различных регионов, речных долин, так и некоторых отдельных деревень (Ускут, Озенбаш и др.).

Как отдельный уровень исследуемой проблемы, вероятно, следует рассматривать причины существования северного, среднего и южного диалектов крымскотатарского языка. Формирующиеся диалекты крымскотатарского языка, фактически являющиеся тремя самостоятельными языками (с восточнотюркской основой – северный, западнотюркской – средний и огузской – южный), сближаясь, в той или иной степени

испытывали как внутреннее, так и внешнее влияние, индоевропейских языков. Южнобережный диалект формировался при непосредственном участии греческого и итальянского языков, средний и северный диалекты испытывали опосредованное влияние этих языков и непосредственное влияние русского и украинского языков.

Исследование сформулированной проблемы этнолингвистическими методами поможет привести ряд дополнительных сведений по истории формирования крымскотатарского народа и его языка.

Изоглосные линии, которые завершаются заимствованиями в тюркские языки индоевропейских лексем, пересекают границы этнических территорий и стран. Схожие процессы происходят в выше указанных зонах соприкосновения тюркских и индоевропейских народов.

Следует высказать предположение, что подобным путём мог быть заимствован один из вариантов лексем *кюлебе*, *кьалыф*, производное от греческого *καλυβα*. Существует целый ряд производных слов в украинском, молдавском и ещё в нескольких языках, народы которых некогда входили в состав или граничили с Римской и Византийской империями. О. Пономарёв отмечает: «К относительно немногочисленной группе слов общеславянского использования относятся такие давние заимствования, как колиба «чабанский курень, зимнее жильё лесорубов-гуцулов» (п. koleba, koliba, ч. слц. koliba, болг. колиба, м. колиба, слн. koliba, стсл. колиба), которое пришло из греческого языка через посредство румынского (рум. colibă)...» [5, с. 24]. Ещё одним свидетельством в пользу высказанной идеи может быть существование параллельных крымскотатарских вариантов *кьалыф* – *кюлебе*. Лексему *кьалыф*, как специфически трансформированную, приближённую к фонетическим нормам крымскотатарского языка и сохраняющую конечный *ф*, вероятно, в этом случае следует трактовать как прямое заимствование, лексему *кюлебе*, близкую к украинской и другим лексемам региона, – как опосредованно заимствованную. Наряду с этим вариантом заимствования необходимо оговорить возможность прямого греческого заимствования этого слова различными говорами крымскотатарского языка: *кьалыф* – южнобережными, *кюлебе* – горными и северными.

Вопрос о направлении заимствований возникает на разных уровнях и в разных масштабах: межкультурно-этническом (индоевропейских, семитских, тюркских), на региональном (греческий, турецкий, крымскотатарский, украинский и русский языки). Лексемы *πύαλος* // *πύελος* – *пиаля*, встречающаяся в древнегреческих источниках и широко распространённая в иранских и тюркских языках среднеазиатского региона и перешедшая опосредованно в русский и украинский языки, *тсала* – *чапа* – *цапка* и другие иллюстрируют данное положение.

Схожий процесс отмечается в среднеазиатском регионе. В.В. Иванов описывает соответствия, существовавшие в ряде индоевропейских языков. Наличие хвоста у мифического дэвовского существа передается общеиранской изоглоссой: «пехлев. *dumb-ōmand* ‘хвостатый’, *dum(b)-ak* (> арм. *dmak*), перс. *dum* ‘хвост’, белуджск. *dumtag*... хорезм. *δwm*, осет. *dylumaeg* ‘хвост, курдюк’, согд. *δwnp’k* (= [*dumbak*]?) ‘хвостатый’, ягноб. *du(y)m* ‘хвост’...» [2, с. 28].

При пересечении национальных границ изоглоссы претерпевают несколько видов трансформации. Прежде всего, следует отметить фонетические изменения заимствованных лексем. Фонетические системы языков различных этнических групп трансформируют заимствованную лексику по своим законам. Также весьма распространена лексико-семантическая трансформация заимствований.

Итак, этнолингвистические методы исследования контактных языковых зон позволяют получить дополнительные сведения о распространении изоглосс, сопоставить сходные линии межэтнического и ареального заимствования лексики.

Источники и литература

1. Баскаков Н.А. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация. – Ашхабат: Ылым, 1988. – 140 с.
2. Иванов В.В. Славяно-арийские (=индоиранские) лексические контакты: Сб. научн. тр. – Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 560 с.
3. Мазинов А.С. Язык и этнос. Единство и взаимосвязь // Культура народов Причерноморья. – Журнал Крымского научного центра НАН Украины и Министерства Украины по делам науки и технологий. – 1997. – №2. – С. 279 – 280.
4. Мазинов А.С. О диалектологическом и этнолингвистическом исследовании проблемы греческих и итальянских заимствований в крымскотатарском языке // Культура народов Причерноморья. – Журнал Крымского научного центра НАН Украины и Министерства Украины по делам науки и технологий. – 1998. – № 3. – С. 356 – 358.
5. Пономарёв О. Грецизми в українській мові // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького. – 1997. – Вип.І. – С. 21 – 27.